

Научная статья

УДК 1(091)

doi: 10.17223/1998863X/78/7

«СЕМЕЙНЫЙ ХРОНОТОП» И МЕСТНАЯ («ЛОКАЛЬНАЯ») ИСТОРИЯ В ПАМЯТИ ИММИГРАНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2022–2023 гг.)

Александр Викторович Овчинников

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия;
Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия,
ovchinnikov8_831@mail.ru*

Аннотация. Констатируется важная роль семейной памяти в процессах адаптации и интеграции иммигрантов. Вводится понятие «семейного хронотопа», который отличается от официального исторического канона «страны приема» и по многим параметрам ему противостоит. Предполагается, что «точки пересечения» между «семейным хронотопом» иммигрантов и символическим пространством «новой родины» могут возникнуть в результате заинтересованности «пришлыми» краеведческими знаниями и объектами. Данное взаимодействие может сконструировать новые «места памяти» иммигрантов, которые являются таковыми и для местных жителей.

Ключевые слова: историческая память, историческая культура, семейная память, семейный хронотоп, фронтир, иммигранты, краеведение, места памяти

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00503 «Трансформация коллективной памяти миграционных сообществ в современной России: межпоколенческая динамика, семейные ценности и коммеморативные практики».

Для цитирования: Овчинников А.В. «Семейный хронотоп» и местная («локальная») история в памяти иммигрантов в Республике Татарстан (по материалам полевых исследований 2022–2023 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 78. С. 84–93. doi: 10.17223/1998863X/78/7

Original article

“FAMILY CHRONOTOPE” AND THE LOCAL HISTORY IN THE MEMORY OF IMMIGRANTS IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN (BASED ON THE MATERIALS OF FIELD RESEARCH IN 2022–2023)

Alexander V. Ovchinnikov

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation;
Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation,
ovchinnikov8_831@mail.ru*

Abstract. The importance of family memory in the processes of adaptation and integration of immigrants is stated. The concept “family chronotope” is introduced, which differs from the official historical canon of the “host country”, and in many ways opposes it. It is assumed that the “points of intersection” between the “family chronotope” of immigrants and the symbolic space of the “new homeland” may arise as a result of interest of “newcomers” in

local lore knowledge and objects. This interaction can create new “places of memory” for immigrants that are also shared by local residents.

Keywords: historical memory, historical culture, family memory, family chronotope, frontier, immigrants, local lore, places of memory

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00503: Transformation of the Collective Memory of Migration Communities in Modern Russia: Intergenerational Dynamics, Family Values and Commemorative Practices.

For citation: Ovchinnikov, A.V. (2024) “Family chronotope” and the local history in the memory of immigrants in the Republic of Tatarstan (based on the materials of field research in 2022–2023). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 78. pp. 84–93. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/78/7

Введение

Отношение к иммигрантам является важным маркером уровня развития гражданско-правового сознания и степени соблюдения прав человека. Не меньшее влияние на взаимодействия «местных» и «пришлых» оказывает историческая культура [1], т.е. распространенные представления о прошлом с точки зрения официального государственного нарратива и обыденного сознания [2]. Сложившиеся на постсоветском пространстве этноцентричные истории с трудом интегрируют в свои конструкты образы прошлого иммигрантов. Последним приписываются ключевые исторические идеи «стран исхода» (например, сюжеты о «исконной территории обитания народа»). В предыдущих работах я пытался показать, что такие глобально-исторические сюжеты представляют собой часть официальной «высокой культуры», которая «объясняет реальность» исходя из интересов нескольких сильнейших акторов (в основном, государств) [3].

«Объясняемые» (иммигранты и местное население) живут в ином символическом пространстве, которое государству интересно только по мере взаимодействия с ним самим. Важнейшими элементами этого символического пространства являются семейная и территориальная идентичности. С экономической и глубоко личностной (эмоционально-аффективной) точек зрения данные идентичности важнее для человека, чем, например, конструируемые элитами некие «цивилизационные различия» (научную критику цивилизационного подхода см.: [4]). Поэтому актуально изучать не «приписываемые» иммигрантам исторические взгляды, а их собственную «семейно-территориальную» («локальную») интерпретацию минувшего, и исходя из полученных результатов предложить основные векторы мнемонической адаптации и интеграции.

Ранее мною отмечалась важность актуализации у иммигрантов не этнонациональных историй их «стран исхода», а именно семейных историй в их комбинаторике с краеведческими знаниями локальной зоны сегодняшнего пребывания [5]. Целью данной статьи является попытка введения в формирующийся теоретический базис нового понятия – «семейный хронотоп», дальнейшее осмысление особенностей взаимоотношений государственной и семейной историй, а также проверка выдвигаемых гипотез с помощью эмпирического материала – данных полевых исследований автора в 2022–2023 гг. (интервьюирования представителей 20 семей иммигрантов и анкетирования 80 иммигрантов, проживавших на момент исследования в г. Казани).

На мой взгляд, эвристическая ценность идеи хронотопа [6] пока не в полной мере осознана применительно к исследованиям по семейной памяти. Ее включение в методологический базис позволит соотнести теоретический анализ обширного эмпирического материала с фундаментальными проблемами времени [7] и пространства [8, 9] в целом, социального времени-пространства [10], а также представить семейную историю как целостный и «самодостаточный» объект исследования, «деколонизовав» «семейное» от, например, государственного и этнического.

Понятие «семейного хронотопа»

Семейная память часто рассматривается как «вспомогательный» вид памяти по отношению к памяти государственной или национальной. Видимо, подобный статус отражает характерный для постсоветского пространства «коммеморативный» государство- и этноцентризм. Официальные бюрократические структуры являются главным актором конструирования прошлого, поэтому семейная память оказывается в «подчиненном» по отношению к ним положении. В условиях иммиграции, когда усиливается «семейная сплоченность», семья на время «освобождается» от «патронажа» официальной истории «страны исхода» и, пока еще «сторонится», исторического канона «страны приема». Возрождаются домодерные реалии, когда семья становится крайне автономным (почти «изолированным») социальным институтом, и поведение индивида (иммигранта) во многом зависит от мнения родственников (в трудных условиях экономических трудностей личность «размывается» в семейном коллективе).

Большую роль в означенных процессах играет семейная память, которая в рамках «иммиграционного единения» семьи предстает набором важных социально-мифических конструктов. Для удобства изучения последних я предлагаю использовать понятие «семейного хронотопа».

В отечественной философской традиции признается важная роль М.М. Бахтина (1895–1975) в изучении феномена хронотопа. По мнению исследователя, хронотоп представляет собой объединение пространства и времени в сознании индивида или литературном произведении [11. С. 341]. На мой взгляд, Михаил Бахтин понял относительность пространственно-временных категорий, которые не являются постоянными константами, а зависят от сознания индивида. Хронотоп, на мой взгляд, ни коим образом нельзя рассматривать как некое искажение «объективной реальности». Наоборот, субъективная реальность «более реальна», нежели навязываемые всевластными акторами свои субъективные представления об окружающем (например, разные вариации политических карт мира, глобальные и национальные истории и т.д.). Если в условиях гражданского общества государство превращается в корпорацию-посредника между другими общественными силами, то и его, прежде монопольное, право на «объяснение реальности» должно стать лишь одним из вариантов таких объяснений (при этом необходимо учитывать отличия природного и социального, и не доходить до призыва, например, к отмене стандартов мер и весов).

Эвристичная ценность понятия «хронотоп» применительно к анализу «проблемы иммигрантов» (или, учитывая внутренних мигрантов и эмигрантов, в целом «проблемы мигрантов») заключается в его научном взаимодей-

полнении с понятием «фронтيرا», который широко используется в данной области исследований. «Фронтир» означает, прежде всего, движение в определенном территориальном направлении, освоение новых территорий [12]. Здесь наблюдаются такие элементы хронотопа, как воображение «нового» и, соответственно, «старого» пространств, конструирование «плотного на события» времени заселения прежде неведомых земель и «разреженного» времени векового проживания поколений на родине.

В последнее время фронтир понимается учеными не только как территориальное движение, но и как социальное. Например, продвижение иммигрантов и их потомков по слоям социальной стратификации является социальным фронтиром, проходящим в особом социальном пространстве-времени [13]. Фронтиром также можно считать постепенную адаптацию и интеграцию иммигрантов в систему различных взаимоотношений на новом месте жительства [14].

«Семейным хронотопом» можно считать пространственно-временные представления индивидов о прошлом и настоящем семьи, с которой они себя сами идентифицируют. Подобное определение позволяет говорить о неоднородности (прежде всего, по поколенческому критерию) семейной памяти.

Семейный хронотоп важно не путать с разрабатываемой в литературоведении темой «прозы – романа – семейной хроники». Специалисты отмечают следующие черты «семейных хроник»: линейное течение времени и «*семейная проблематика (наличие нескольких поколений одного рода, микроклимат семьи, проблемы отцов и детей), специфика историзма*» [15. С. 53]. Отмечая важность подобных исследований, применительно к заявленной в заголовке статьи темы, следует отметить высокую степень «внесемейности» подобных нарративов, сконструированных специально для читающей публики под давлением актуальной политической обстановки или идеологических потребностей государства. «Семейные хроники» отражают не столько «семейный хронотоп», сколько включенность семейной жизни в общественно-политические процессы (см., например, роман и телесериал «Вечный зов»). Объективными особенностями семейных отношений являются высокой степени эмоционально-интимные отношения, ситуативность, забвение, поэтому структурированная в угоду внешнему читателю «семейная хроника» в реальности малоинформативна.

Семейный хронотоп отличается субъективным восприятием прошлого и настоящего членами семьи. Упорядочивание же внешним наблюдателем (исследователем) семейной истории неминуемо приводит к идеальному и весьма условному общему знаменателю, оперировать которым в дальнейших построениях, на мой взгляд, некорректно. Важно не забывать, что иммиграционное сообщество не является строго организованной структурой с вертикальным управлением. Таковым в целях контроля его пытается сделать государство, деля «пришлых» по этническому принципу, и даже создавая бюрократические структуры по взаимодействию с «воображенными этносами» (см. проанализированные мною особенности исторической политики «Дома дружбы народов» в г. Казань (Республика Татарстан)) [3].

Следует констатировать наличие «государственного хронотопа», который представляет собой динамику официально транслируемых (например, через учебники, СМИ, законодательные акты, административно-политические и исторические карты и т.д.) представлений о прошлом, настоящем и будущем

государства. В советских и постсоветских практиках «государственный хронотоп» пытался включить в себя семейные истории иммигрантов. Иными словами, государство, в своих интересах конструируя историческое время и представления о своей территории, ожидает от семьи историю в «контексте эпохи» и предлагает индивидам уже готовые «семейные хронотопы».

«Семейные хронотопы» иммигрантов г. Казани

Исходя из предложенного теоретического дискурса материалы проведенных автором в 2022–2023 гг. полевых исследований семейной памяти иммигрантов г. Казани предстают следующим образом.

Главным итогом работы стала констатация факта, в целом, «изолированности» семейных хронотопов иммигрантов (особенно, у молодежи) от государственных хронотопов стран приема и исхода. Официальные дискурсы актуализируют историко-культурный фактор интеграции и позиционирует социальную среду, как мозаику «культур и цивилизаций с уникальным историческим прошлым», тогда как жизненные стратегии семей иммигрантов почти полностью исключают учет «исторических особенностей».

Постулируемые национальными историями как «определяющие», культурно-исторические факторы оказались самыми неупоминаемыми в потоке записанных в «Google-формы» семейных хроник респондентов разных возрастных групп: *«Я родился в Узбекистане в Ферганской области, моему отцу 58 лет он работает в автобазе а маме 52 она работала в БТИ сейчас она на пенсии. кроме меня есть две сестры они оба замужем, у обеих по трое детей. а мне 18 лет я увлекаюсь футболом»*; *«Я родилась в Республике Узбекистан Ферганской обл в городе Коканде. Отец преподавал в Автодорожном техникуме. Мама работала на больницы. Я окончила Политехнический институт. 1988 году вышла замуж. У меня трое детей. Две девочки, и сын. Шесть внуков. Муж работает на автобазе, я 30 лет работала БТИ, сейчас нахожусь на пенсии. Данный момент работаю на Добропекле»*¹.

Семейные хронотопы выражают следующие важные для иммигрантов пространственно-временные точки: место рождения (типична конкретизация до области и населенного пункта), место работы родителей, место учебы, смена семейного положения, рождение детей и других родственников. Когда же информанты «выводились» на разговоры о «национальном» и «историческом», то в лучшем случае с трудом вспоминали услышанные (в основном в СМИ и Интернете) «клише» (даже напрямую обращались к Интернету, пытаются найти, например, факты истории татар).

Отдельно взятая семья иммигрантов напоминает «мини-государство» со своей внутренней и внешней политикой, экономическими интересами и, конечно же, памятью, которая отлична от образчиков «высокой культуры». Даже имеющие относительно высокий социальный статус иммигранты на деле не стремятся «приобщиться» к официальным идеологемам и конструируют свои семейные хронотопы «на расстоянии» от государства.

В этом отношении интересны варианты семейной истории супружеской пары из Казахстана, переехавшей в Россию в 2002 г. Респонденты ответственно к просьбе описать историю своей семьи, и готовили представленные ниже тексты в течение целого месяца. Иными словами,

¹ Полевые материалы А.В. Овчинникова. Пунктуация и орфография сохранены.

у них было время, чтобы определить, по их мнению, самое важное в истории семьи. В результате получились следующие варианты семейных хронотопов:

1. Муж: *«Я родился в городе Кокчетав, КазССР в 1963 году. История появления семьи в которой я родился в Казахстане такова: в 1870 году мой прадед со своей матерью перебрались пешком из деревни Яна Кишит Казанской губернии в город Кокчетав. Мой прадед по началу был приказчиком у купца Соколова (в Кокчетаве), который со временем, не имея собственных детей выделил прадеду часть своего 5000 рублей на свое дело, так прадед сам стал купцом. Ходил за товаром с караванами в Китай, обзавелся семьей, построил три дома в Кокчетаве. Один из этих домов стоит до сих пор в нем находится музей. Мой дед один из шести детей прадеда родился в Кокчетаве в 1903 году, получил образование в университете в Москве. Вернулся в Кокчетав, женился на дочери купца из города Петропавловск (Казахстан). У них родилось девять детей, выжили шестеро, в том числе мой отец. Отец работал водителем скорой помощи, преподавал в автошколе ДОСААФ, женился в 1962 году на моей матери, которая родилась в Китае в татарской семье. Дед ее был муллой в городе Хайлар (КНР), в возрасте 8 лет она с семьей переехала с родителями в Кокчетав. У меня есть брат, который и сейчас проживает с семьей в Кокчетаве, у него двое детей. У меня жена и трое детей и в 2002 году я получил приглашение на работу в Казань и переехал сюда с женой и двумя младшими детьми. В настоящее время проживаю в Казани, у меня трое детей, зять, две снохи и четверо внуков»¹.*

В приведенном тексте – пример абсолютно изолированного от государственного семейного хронотопа. В семейных времени и пространстве не нашлось места для важных с точки зрения официальной истории событий – войн, развала государств и т.д. Например, отсутствуют важные для государственного хронотопа временные границы между Российской империей, СССР и современными Россией и Казахстаном.

2. Жена: *«Я родилась в городе Алма-ата в 1960 году. В семье была единственным ребенком, росла без отца, родители развелись рано. Мы жили троим: я, мама и бабушка. Мама была единственной дочерью и кроме нее у бабушки было еще пять сыновей. Моя бабушка была дочерью раскулаченного крестьянина из Башкирии, который был раскулачен и сослан в Сибирь, поэтому историю своей семьи я толком не знаю: об этом не принято было говорить. В Сибири бабушкина семья жила в городе Тайшет, а в возрасте когда ей было 14 лет они переехали в Казахстан в небольшой аул под Алматы. бабушка была замужем дважды, первый муж ей погиб в начале финской войны, второй муж без вести пропал в ВОВ в 1942 году. Он одна поднимала шестерых детей, работала в колхозе за трудодни, жили они в землянке, жизнь ее была тяжелой. Мама из-за того что она единственная девочка в семье тоже с детства много трудилась. Несмотря на тяжелую жизнь все бабушкины дети очень хорошо учились, четверо из них закончили школу на отлично, моя мама и ее младший брат получили высшее образование. Мама работала в текстильной промышленности, а ее младший брат стал офицером советской армии. Из истории семьи отца я знаю только что*

¹ Полевые материалы А.В. Овчинникова. Пунктуация и орфография сохранены.

его отец воевал в ВОВ, погиб под Киевом и там же захоронен в братской могиле. В 1981 году я вышла замуж, сейчас у меня муж и трое детей, четверо внуков. В 2002 году муж получил приглашение на работу в Казань и мы переехали сюда с двумя младшими детьми»¹.

В данном случае фиксируются «точки пересечения» государственного и семейного хронотопов: раскулачивание, советско-финляндская война, Великая Отечественная война. Эти события в дискурсе семейной истории наделяются негативными коннотациями, так как явно «нарушили нормальный ход жизни».

Иммиграция не означает отсутствия «сложного подросткового возраста» и «конфликта отцов и детей», который может казаться началом выхода подростка из прежнего «культурного поля» и интеграцию в символическое пространство «новой Родины». Анкетирование второго поколения иммигрантов, родившихся в России или переехавших в раннем возрасте, свидетельствует о подчеркнутом уважительном отношении к «стране исхода», но при этом она, как и у родителей, не занимает значительного места в семейном хронотопе. Хотя общероссийские культурные элементы (например, язык) усваиваются, в силу необходимости, в должной мере, границы хронотопа все равно не становятся диффузными. Индивид продолжает ассоциировать себя прежде всего со своей семьей.

«Семейный хронотоп» иммигрантов и локальные «места памяти»

«Реальной» точкой взаимодействия семейных хронотопов «местных» и «пришлых» могут стать исторические достопримечательности их нынешнего совместного района проживания, которые они часто видят и образы которых уже связаны с какими-либо событиями семейной истории (т.е. стали «местами памяти»).

Иммигрант, его семья прибывают не столько из «страны исхода» в целом, сколько из определенного небольшого района, который они хорошо знают и с которым у них ассоциируются жизненные истории, семейные предания и, как правило, отрывочные исторические сведения. «Места памяти» характеризуются следующим образом: «Я считаю что это дом бабушки, потому что мы 2 года назад потеряли дедушку»; «наверное родной дом»; «Важным местом памяти является родительский дом, где произошло большое количество событий. Дом, где сплочались все родственники»; «В 2019 году в городе Коканд состоялся всемирный фестиваль ремесленников, всей семьей были»; «Дом в котором родились мои родители и кладбище где они похоронены»; «Мы были в Баку на Каспийском море, горячие источники, девять башня, водопады»; «Город Кокчетав дом родителей, где я родился и вырос, где жило четыре поколения нашей семьи»; «Дом в котором я родилась и выросла, город Алма-ата, который я очень люблю»; «Скорее всего, дом отца матери»² и т.д.

В большинстве случаев свои «места памяти» респонденты локализовали в стране исхода, но редко ассоциировали их со страной целом. Только один

¹ Полевые материалы А.В. Овчинникова. Пунктуация и орфография сохранены.

² Полевые материалы А.В. Овчинникова. Пунктуация и орфография сохранены.

раз «место памяти» отождествлялось с внутренним российским объектом: «Да, конечно. Могу рассказать о прекрасном городе Казани»¹.

В настоящее время иммигранты проживают не в России в целом, не в Татарстане, а в конкретных деревнях, селах, поселках и городах. Актуализация «местного хронотопа» (в том числе путем появления блока соответствующих вопросов на экзаменах на получение ВНЖ и гражданства) поможет иммигрантам формировать новую семейную историю, наделять особым символическим значением историко-культурные и природные объекты вокруг себя, что приведет к диффузии местной истории и исторической памяти иммигрантов, чего на более высоком, государственном, уровне, как показал опыт советского и российского этнофедерализма, достигнуть гораздо сложнее. Постепенно обнаружатся общие элементы семейных хронотопов иммигрантов и местного населения, что будет означать интеграцию данных социальных групп.

Список источников

1. Тишков В.А. Новая историческая культура. М. : Изд-во МГОУ, 2011. 60 с.
2. На пути к новому прошлому? Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов: монография / А.А. Линченко, О.В. Головашина, Д.А. Аникин, А.В. Овчинников, А. Буллер, В.С. Благинин, Р.Ю. Батищев. СПб. : Алетейя, 2023.
3. Овчинников А.В. «История старших»: историческая политика Дома Дружбы народов г. Казани // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 37–46. doi: 10.15826/tetm.2022.2.036
4. Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // *Национализм в мировой истории* / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М. : Наука, 2007. С. 4–24.
5. Овчинников А.В. В иерархии «матрешки идентичностей»: «шахматная доска» отечественной исторической памяти (краеведение и иммигранты) // *Новое прошлое / The New Past*. 2023. № 2. С. 192–201. doi: 10.18522/2500-3224-2023-2-192-201
6. Политов А.В. Онтологический смысл понятия хронотопа в философских идеях А. Ухтомского и М. Бахтина // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 50–62.
7. Каменев А.С. Теория относительности А. Эйнштейна и некоторые философские проблемы времени // *Вестник Московского городского педагогического университета*. Серия: Философские науки. № 2 (14). 2015. С. 42–59.
8. Сафонова Н.В. К апориям Зенона // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2018. Т. 4 (70), № 1. С. 65–73.
9. Шкарупа В.М. Обоснование косвенной неразрешимости апории Зенона «Ахилл» посредством наглядного представления неевклидовой геометрии // *Вестник Омского университета*. 2020. Т. 25, № 1. С. 74–77.
10. Бурнашев К.Э. Хронотоп – ключ к познанию социального пространства // *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2007. № 2 (7). С. 15–19.
11. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // *Сочинения* : в 7 т. М. : Языки славянских культур, 2012. Т. 3. С. 340–503.
12. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А.И. Петренко. М. : Весь Мир, 2009. 304 с.
13. Овчинников А.В. Символический предел фронта: «генофонд людей» и миграция, прошлое и настоящее // *Журнал пограничных исследований* 2020. № 2 (5). С. 60–76.
14. Глостанова М.В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации // *Вопросы социальной теории*. 2011. Т. V. С. 126–149.
15. Никольский Е.В. Семейная хроника: проблемы истории и теории // *Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля*. Серія: Філологічні науки. 2013. № 2 (6). С. 52–54.

¹ Полевые материалы А.В. Овчинникова. Пунктуация и орфография сохранены.

References

1. Tishkov, V.A. (2011) *Novaya istoricheskaya kul'tura* [New Historical Culture]. Moscow: MSOU.
2. Linchenko, A.A., Golovashina, O.V., Anikin, D.A., Ovchinnikov, A.V., Buller, A., Blaginina, V.S. & Batishchev, R.Yu. (2023) *Na puti k novomu proshlomu? Kul'turnaya pamyat' Rossii v situatsii global'nykh migratsionnykh vyzovov* [On the way to a new past? The cultural memory of Russia in the situation of global migration challenges]. St. Petersburg: Aleteya.
3. Ovchinnikov, A.V. (2022) "Istoriya starshikh": istoricheskaya politika Doma Druzhby narodov g. Kazani ["The history of the elders": The historical policy of the House of Friendship of Peoples of Kazan]. *Tempus et Memoria*. 3(2). pp. 37–46. doi: 10.15826/tetm.2022.2.036
4. Shnirelman, V.A. (2007) Tsvivilizatsionnyy podkhod kak natsional'naya ideya [The civilizational approach as a national idea]. In: Tishkov, V.A. & Shnirelman, V.A. (eds) *Natsionalizm v mirovoy istorii* [Nationalism in world history]. Moscow: Nauka. pp. 4–24.
5. Ovchinnikov, A.V. (2023) In the hierarchy of the "matryoshka of identities": The "chess-board" of national historical memory (local lore and immigrants). *Novoe proshloe – The New Past*. 2. pp. 192–201. (In Russian). doi: 10.18522/2500-3224-2023-2-192-201
6. Politov, A.V. (2014) Ontologicheskiy smysl ponyatiya khronotopa v filosofskikh ideyakh A. Ukhtomskogo i M. Bakhtina [The ontological meaning of the concept of chronotope in the philosophical ideas of A. Ukhtomsky and M. Bakhtin]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 14(4). pp. 50–62.
7. Kamenev, A.S. (2015) Teoriya otositel'nosti A. Eynshteyna i nekotorye filosofskie problemy vremeni [A. Einstein's theory of relativity and some philosophical problems of time]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. 2(14). pp. 42–59.
8. Safonova, N.V. (2018) K aporiyam Zenona [To the aporias of Zeno]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*. 4-1(70). pp. 65–73.
9. Shkarupa, V.M. (2020) Obosnovanie kosvennoy nerazreshimosti aporii Zenona "Akhill" posredstvom naglyadnogo predstavleniya neevklidovoy geometrii [Justification of the indirect undecidability of Zeno's aporia "Achilles" through a visual representation of non-Euclidean geometry]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 25(1). pp. 74–77.
10. Burnashev, K.E. (2007) Khronotop – klyuch k poznaniyu sotsial'nogo prostranstva [Chronotope is the key to understanding social space]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 2(7). pp. 15–19.
11. Bakhtin, M.M. (2012) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 340–503.
12. Turner, F.J. (2009) *Frontir v amerikanskoj istorii* [The Frontier in American History]. Translated from English by A.I. Petrenko. Moscow: Ves' Mir.
13. Ovchinnikov, A.V. (2020) Simvolicheskiy predel frontira: "genofond lyudey" i migratsiya, proshloe i nastoyashchee [The symbolic frontier limit: The "human gene pool" and migration, past and present]. *Zhurnal pogranichnykh issledovaniy*. 2(5). pp. 60–76.
14. Tlostanova, M.V. (2011) Transkul'turatsiya kak model' sotsiokul'turnoy dinamiki i problema mnozhestvennoy identifikatsii [Transculturation as a model of sociocultural dynamics and the problem of multiple identification]. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 5. pp. 126–149.
15. Nikolskiy, E.V. (2013) Semeynaya khronika: problemy istorii i teorii [The family chronicle: Problems of history and theory]. *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu imeni Al'freda Nobelya. Seriya: Filologichni nauki*. 2(6). pp. 52–54.

Сведения об авторе:

Овчинников А.В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия); доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета (Казань, Россия). E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ovchinnikov A.V. – Cand. Sci. (History), researcher at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); associate professor at the

Department of Management, Kazan State Energy University (Kazan, Russian Federation).
E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.12.2023;
одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 15.04.2024*
*The article was submitted 05.12.2023;
approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 15.04.2024*